

Евгений Косенков

*Тихо плещет
Амур*

ЕВГЕНИЙ КОСЕНКОВ
Тихо плещет Амур

«Издательские решения»

Косенков Е.

Тихо плещет Амур / Е. Косенков — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-857928-8

В сборник вошли повести и рассказ. Темы совершенно разные. Реальные события переплелись с вымышленными. Прототипами героев стали мои друзья, знакомые и люди, с которыми приходилось общаться в разных ситуациях. Все события происходят в 90-е годы двадцатого столетия.

ISBN 978-5-44-857928-8

© Косенков Е.
© Издательские решения

Содержание

Тихо плещет Амур	6
За желтой полосой тумана	9
На поиски желтого тумана	14
Тайна желтого тумана	24
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Тихо плещет Амур

Евгений Косенков

© Евгений Косенков, 2018

ISBN 978-5-4485-7928-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Тихо плещет Амур

Весна. Мутноватые воды Амура беззастенчиво залили невысокие берега, вплотную подошли к каменной стене набережной и тихо шумели, неся на гребнях волн белые завиточки. Дождь бил по палубе пограничного катера, стоящего посреди Амура, крупными прозрачными каплями и, разбиваясь, разлетался мелкими крупинками по сторонам. Грозные, чёрно-бурые пузатые тучи медленно ползли на восток, сопровождаемые отчаянными криками чаек, планирующими над беспокойной поверхностью реки.

Маканин выглянул из ходовой рубки и, вытаращив пустынные голубые глаза, чему-то заулыбался, но ветер шлепнул в лицо мокрую оплеуху, и радостная улыбка вмиг исчезла. Он устало захлопнул переборку и опустил на корточки, крепко сжимая в руке изодранную палубную ветошь. Немного подумав и поковыряв рукой в носу, швырнул ветошь в сторону и, несмотря на грязь, разведенную им, уселся прямо на палубу.

Прошло полгода с тех пор, когда Маканин впервые надел морскую форму, украсив бескозырку ленточкой с золотыми буквами «Морчасти погранвойск». Прошло, словно и не было этих месяцев вовсе. Сплошные приборки, тычки, подзатыльники, ночные ленчи «годков» и кумарный сон в новостях политики под мирное вещание замполита.

Всё это захлестнуло собой некогда красочную жизнь Маканина на гражданке. Своими любовными похождениями и участием в различных пьяных драках он часто хвастался среди парней. Кто слушал, а кто и не слушал, но никто и никогда всерьёз его повествований не принимал. Друзей у него не было ни там, ни здесь. Девушка, которая ему нравилась, совсем не обращала на него внимания. Отец беспроблемно пьёт. Мать ещё с двумя детьми с трудом сводит концы с концами. В частых письмах к сыну мать плачет, пьяница – отец каждый день избивает её до смерти, и она уже не знает, что делать. Всё чаще стала писать о том, чтобы скорее возвращался домой и защитил её от озверевшего отца. Но рапорты Маканина беспощадно рвались пополам и неминуемо оказывались в мусорном ящике.

Хмурый, с квадратной головой, вечно небритый, с грязной шеей и невинными пустыми голубыми глазами, Маканин ненавидел службу. И в разговорах среди друзей открыто говорил, что если случится война или что-то в этом роде, он бросит всё и смотается домой, прихватив на всякий случай оружие. Да только никто не верил его серьёзным заклиниваниям.

– Алё! Родной! – услышал Маканин голос годка Максима Градаша, высунувшегося наполовину из люка радиорубки. – Что застыл?

Застигнутый врасплох, Маканин спешно пошарил вокруг себя в поисках ветоши и тупо уставился на годка. Градаш зло взглянул в бездонные голубые глаза и сплюнул.

– Резче сокращайся!

Люк гулко стукнул, закрывшись и оставив растерянного Маканина одного. Тот пришёл в себя, поковырял задумчиво в носу и, не спеша, затёр палубу.

Дождь лил как из ведра. Годки спят. Больше работы пока не было, и Маканин, растянув на лице квадратную улыбку, лёг в ходовой рубке прямо на палубу, неудобно упершись ногами в прибор, а затылком в стойку вертикального трапа, и уснул. Дождь утих, когда тёмная пелена ночи уже окутала катер, и в наступившей тишине было отчётливо слышно одинокое падение невысохших капель.

Удар пришёлся в лицо, голова отпружинила от ботинка, словно боксёрская груша, и ударилась затылком о прибор. Испуганный, ничего не понимающий, Маканин подскочил с места, цепляясь и ударяясь обо всё подряд, дико махая руками.

Соич, его командир отделения, брезгливо сжал скулу Маканина и зло прошипел:

– Бери Зуя и резче картошку чистить. Воссал?

– Ага, – с мутным, невидящим взором ответил тот, пытаясь понять смысл

сказанного.

– Пожаришь. Во второй кубрик принесёшь. – Соич отпустил его и исчез в тёмном проёме открытой переборки.

Маканин сел на ступеньку трапа, с усилием протер заспанные глаза, поковырял в носу, сладко потянулся и, жестко выругавшись, побрёл на камбуз. Зуйков уже орудовал острым длинным ножом, отстёгивая толстые картофельные очистки.

Маканин остановился возле люка во второй кубрик, чтобы перевести дыхание, а затем, громко крикнув «Добро?», молча влез в проём.

– О-о-о, – одобрительно зашумели голоса. – Шаришь!

Маканин квадратно улыбнулся, умчался за вилками и хлебом. Доставив всё, получил новое указание. Найти сигарету, ещё и с фильтром.

«Где же я её найду? – думал Маканин. – Ведь, считай, все спят вповал.

Градаш не курит. У Зуя и Макрашова нету. Баграмов? Нет. Ни за что».

Маканя, – вдруг услышал он, – Маканя!

Не помня себя, оказался у люка второго кубрика, откуда уже тянуло спиртом. Сердце бешено колотилось в предчувствии расправы, и мысли, словно блохи, прыгали одна на другую. Квадратное лицо в ожидании худшего вытянулось в прямоугольное, выразив испуг и ожидание самого страшного.

Маканя!

– Я, – пробурчал Маканин, просунув голову.

– Залазь.

Трясущийся Маканин спустился в кубрик и замер в позе лакея.

– Сигарету нашёл? – сильно икнув, рявкнул Эльхан.

Миранов, маленький, много строящий из себя азербайджанец, нервно сжав кулаки, от вида которых Маканин слегка отшатнулся, выпучил и без того большие глаза.

– погоди, – остановил его могучий Есин и вышел из-за стола.

Не спеша, он сделал два шага к бледному и испуганному Маканину.

– А ты что сегодня в рубке кипел? А? Чо, мало спишь, что ли? – Есин дыхнул на него перегаром, от которого тот часто заморгал, но отвернуться не посмел.

– Чо молчишь? – угрожающе надвинулся годок.

– Я, я, я не спал, – растерянно пробормотал Маканя, глядя в мутные глаза годка. И тут мощный удар в челюсть отбросил его к переборке.

– Ты мне будешь ещё по ушам ездить?

Маканин не считал удары и даже не старался прикрыться. Слёзы раздирали душу и душили. От одного сознания того, что он против них бессилён, повергало его в состояние депрессии. «Сволочи, гады, подонки – ненавижу».

Уставший и тяжело дышащий Есин вытер полотенцем мощные окровавленные кулаки и поднял с палубы Маканина. Кровь струилась из носа и нижней губы, собираясь на подбородке, а потом небольшими каплями падала вниз. Правая сторона носа сильно опухла, а у левого глаза расплылся чёрный фингал.

– Иди умойся, – бросил кто-то из сидящих за столом.

– Потом с сигаретой придёшь, – бросил вдогонку Миранов, вытаращив глаза до предела.

Бледный, окровавленный и трясущийся Маканин, с трудом вылез на верхнюю палубу и поплёлся в нос катера. И здесь, присев на барбет пушки, заплакал.

Он вспомнил дом, маму, её письма и слёзы. Вспомнил девушку, запах волос, вкус губ и ему захотелось уйти отсюда, от злого мира, и оказаться дома.

Он резко встал, расправил плечи и представил, что произойдёт, если его не будет, если он исчезнет. На катере начнётся переполох. Офицер забегает, хватаясь за голову, не подозревая

о том, сто случилось в кубрике. Годки будут искать способы оправдания, и метаться по всему катеру, ища его во всех углах.

Маканин улыбнулся своей квадратной улыбкой. «А если я переплыву Амур, ведь тут же не больше 100 метров».

И, подталкиваемый сладкими грезами, Маканин нырнул в холодную воду. Сильно размахивая руками, поплыл к берегу. Мощный поток сразу же отнёс его далеко от катера. Маканин плыл с лихорадочной мыслью в разгорячённом мозгу: «Домой!».

Вот уже и берег недалеко. Даже слышно, как бьётся волна о набережную. И вдруг он почувствовал, что силы начинают оставлять его, а леденящий холод всё более настойчиво проникает во все мышцы, сковывая движения. И вот, наконец, он понял, что один выбраться уже не сможет. Он хотел закричать, но голос пропал, сдавленный холодной спазмой.

– Мама! – прошептал Маканин, сделав последний взмах рукой и навсегда исчезнув в бурлящей холодной воде пограничной реки.

А Амур всё так же, как и раньше, бился в каменную грудь набережной и тихо шумел, неся на гребнях весенних волн небольшие белые завиточки...

За желтой полосой тумана

Катера медленно ползли друг за другом. Мутноватая амурская вода, с желтым глинистым оттенком, белой пеной вскипала за их кормой, образуя небольшие буруны, расходившиеся к затопленным берегам. Вдали, по курсу, в солнечных лучах, сверкали белые створы с черной вертикальной полосой посередине, а слева алел, излучая ярко-красные тона, покачивающийся буй.

Август не радовал своей теплой погодой, но сегодня – исключение. Светло-голубое небо, раскаленное солнцем, было похоже на огромное зеркало, отражающее на землю лучи, посланные ему светилом. Те, весело играя, прыгали по неприветливой темной броне артиллерийских установок, с любопытством заглядывая в жерла застывших стволов.

Слева была советская территория, справа – китайская. Члены экипажа находились на своих боевых постах.

На ГКП ведомого катера царил полумрак. Сквозь маленькие щелки броняшек, закрывающих стекла, солнце с трудом проникало внутрь.

Командир катера, старший лейтенант Извицкий, и замполит дивизиона, капитан-лейтенант Петр Буратинов, с ощущением чего-то страшного, неизбежного, застыли у этих щелочек, внимательно разглядывая китайский берег. Радиометрист не отрывался взглядом от локатора. Боцман настороженно держал штурвал.

– Петр Алексеевич. Может, объявим боевую тревогу? – не выдержал Извицкий.

– Но ведь приказа не было, – пожал плечами замполит.

– Так и связи нет. Я связывался с радиорубкой. В эфире полная тишина. «Волжанка» не отвечает. Сигнальщик с мостика докладывает, что на его запросы тоже ответов нет. Может, что-нибудь случилось?

– Не знаю, Сергей Николаевич, здесь командир ты, тебе и решать.

– ГКП, это мостик...

– Слушаю, мостик.

– Товарищ командир, впереди слева по борту – туман.

– Какой туман?

– Какой-то сиренево-желтый.

– Сиренево-желтый?

– Так точно.

Извицкий вдруг включил внутреннюю корабельную связь:

– Внимание! Химическая тревога! Химическая тревога! Я повторяю, химическая тревога! Это не учение! Всем надеть защитные химкомплекты! Химическая тревога! Личному составу получить боевое оружие. Сбор через пять минут у арсенала. Мичману Булавину выдать оружие.

Все вокруг забегало, зашевелилось. Один боцман лишь надел противогаз и ждал подмены – штурвал бросать было нельзя – проходили узкое место реки.

– Мостик – ГКП, доложить обстановку, – руки командира слегка тряслись, но голос оставался твердым.

– Входим в туман. «Волжанка» исчезла из вида.

– Ясно. Радиометрист, Манов, Эдик, «Волжанку» на локаторе наблюдаешь?

– Никак нет. Чисто.

– То есть как чисто? – опешил командир.

– Чисто, – Манов пожал плечами.

Замполит и Извицкий переглянулись.

– Радиорубка, Чудов, связь с «Волжанкой», срочно! Делайте, что хотите. Радиометрист, глаз не отрывать от экрана. ЦПУ, малый вперед!

– Товарищ командир... – Манов удивленно смотрел на локатор.

– Слушаю, Эдик.

– Смотрите.

Замполит и Извицкий уставились на экран.

– Черт возьми, что это такое? – голос Буратинова задрожал.

– ЦПУ – стоп машина! Полный назад! Делаем оборот.

– Нельзя, командир.

– Надо, боцман, надо. Мостик! Мостик! Рымарев! Мостик! – мостик не отвечал. – Радиорубка!

– Есть радиорубка!

– Связь с мостиком восстановить!

– Есть!

– Петр Алексеевич, помогите боцману, если что.

– Хорошо, Сергей Николаевич.

– ГКП. Это – мостик.

– Слушаю, мостик.

– Это Чудов, Рымарева нигде нет.

– Понял тебя. Получи оружие и на свой пост.

– Есть.

Замполит и командир опять переглянулись.

– ГКП! Это мостик!

– Слушаю...

– Командир, зарево! О, боже!..

Командир очнулся. С трудом, поднявшись на ноги, вышел на верхнюю палубу. Тумана не было. Солнце ярко ударило в глаза. Прислонившись спиной к переборке, отдышался, пытаясь вспомнить, что же произошло. Но голова была словно залита свинцом. И вдруг он скорее ощутил, чем понял, – катер стоял на месте.

Извицкий выглянул за борт, желтая глинистая вода разбивалась о волнорез и пенилась. Катер стоял на якоре. И только сейчас командир окинул взглядом берег. Все вокруг дымилось. С той и другой стороны реки лежали искореженные пушки и человеческие тела, зияли воронки. Было совершенно ясно: здесь, совсем недавно, произошло сражение. Старший лейтенант бросился на ГКП.

– Боевая тревога! Боевая тревога! – раздалось по всему катеру.

Люди, словно очнувшись от спячки, приступали к выполнению своих обязанностей.

– Петр Алексеевич, живы?

– Похоже, – замполит еле приподнялся.

– Манов, замерить радиацию. Радиорубка! Связь с «Волжанкой». Срочно! Мостик! Мостик! – мостик не отвечал. – Радиорубка. Чудов вернулся?

– Никак нет, товарищ командир.

– ЦПУ, все живы?

– Так точно.

– Запустить двигатели. Сняться с якоря. Малый вперед.

– Товарищ старший лейтенант, – обратился к Извицкому Манов. – Радиация в норме и, похоже, ее вообще не было.

– Экипаж, слушай мою команду. Защитные химкомплекты и противогазы снять. Отбой химической тревоги.

Катер медленно шел против течения. Знакомые места казались совершенно чуждыми. На выжженных и изрытых берегах лежали убитые.

– Что же это, Петр Алексеевич? Война?

Буратинов молчал, разглядывая округу. Он вдруг вспомнил рассказ отца, который 20 лет назад, будучи командиром быстроходного катера, тоже попал в туман. А когда из него вышел, то оказался в 1945 году и подвергся бомбардировке с суши и с воздуха. Где-то в архивах КГБ пылятся данные об этом случае. В живых осталось только трое. Причем никто из них не помнит, как они оттуда выбрались.

– Сергей Николаевич, боюсь говорить, но, похоже, мы угодили в другое время.

– Или измерение...

– Что вы хотите этим сказать?

– Надо подойти к берегу, послать разведку вон в ту деревушку. Иначе, без информации, мы как без рук, – Извицкий тяжело вздохнул. – Тебе идти, боцман. Возьми Ишматова, Кошкина и Мухмадова. Документы сдать. В перестрелку по возможности не вступать. Чуть что, сразу на катер. Постарайся узнать как можно больше. Сам понимаешь ситуацию.

Старший мичман Гордиенко тревожно поглаживал усы.

– Сделаем, Сергей Николаевич.

Катер уткнулся в илистый берег, и разведка исчезла в кустах ивняка. Больше их никто не видел.

Довольно долго катер стоял на рейде. Извицкий ждал. Весь экипаж находился в постоянном напряжении. Спали и питались на своих боевых постах. Командир и замполит ломали голову над странной загадкой. Уже шесть человек пропало без вести, а ясности в происходящем не было.

– Вздремни, Сергей Николаевич, а то кто его знает, что будет через час. Командир должен иметь светлую голову. Отдыхай. Я подежурю.

– И то верно, – согласился Извицкий и проверил обойму пистолета.

Ночь стояла тихая. Огромная луна висела над самым горизонтом, пролагая по амурским волнам светло-желтую дорожку. Замполит долго сидел и смотрел на звездное небо и на черные очертания берега. Он вспомнил жену, детей, родную деревню, старушку-мать. Вся жизнь прошла перед глазами, и вот начало светать. Одиноким хлопок взрезал амурскую тишину. Вахтенный матрос сыграл боевую тревогу. Замполит лежал на ГКП с открытыми глазами и красной дыркой во лбу.

– ГКП, – 4 пост. По правому борту шлюпки с вооруженными людьми.

– Вижу, Сырцов, – Извицкий навел бинокляр на шлюпки и оторопел. – Это же фашисты! Откуда они здесь? Мне что, это снится? Орудия к бою! Пост 4, твой справа от ГКП. Пост 2, твой слева. Посты 1, 3, 6 возьмите под наблюдение берег. Там, возможно спрятана артиллерия. Кульчев, бросай камбуз, теперь твое место за штурвалом, – Извицкий пытался сохранить шуточный тон. – Радиорубка. Что в эфире?

– Тишина, товарищ командир. Полная тишина.

– Продолжайте вызывать. Пост 2, пост 4 – огонь!

Два крупнокалиберных пулемета взрыли воду первой очередью, вторая буквально разорвала тела, и корпуса шлюпок на части, не разбирая, где плоть, где дерево. Нападавшие явно не ожидали такого жесткого отпора и повернули к берегу. Оттуда в свою очередь ударили пушки.

– Пост 1, 3, 6 – огонь! Уничтожить артиллерию!

Мощный залп 100-миллиметровой пушки и 140-миллиметровой установки заглушил все в округе. Берег поднялся вверх и рухнул вниз, поднимая пыль, брызги воды и дым. Минут пять продолжался обстрел. Когда все стихло, то на месте артиллерийских орудий дымилась груда перепаханной земли.

Извицкий обвел взглядом береговую линию. Бинокуляр выхватывал лишь мертвые тела и исковерканные орудия. Тишина совершенно не вязалась с развивающимися событиями.

– По местам стоять! С якоря сниматься! Малый вперед! Доложить о потерях и повреждениях катера.

– Товарищ командир, докладывает командир БЧ-2 мичман Булавин. Потеря одна – уничтожен пост 6, гранатометчик Шмаков убит. Серьезных повреждений катера не обнаружено.

– ГКП, – ЦПУ. Докладывает командир БЧ-5 мичман Бульченко. Потерь среди личного состава нет, серьезных повреждений нет. Вышел из строя основной генератор, перешли на запасной.

– Понял вас. Радиорубка, что нового?

– Товарищ командир, чертовщина какая-то, мы не успеваем перехватывать различные сообщения, но расшифровать их практически невозможно.

– Товарищ старший лейтенант, смотрите, – Манов отодвинулся от локатора. – Десять точек движутся к катеру, но на поверхности реки их не видно. Водолазы?

– Боевое отделение к бою, справа по борту десять диверсантов. Задача – всех уничтожить!

– ГКП, – пост 4, справа по носу танки!

– Пост 3, 5, 1, к бою! Огонь!

Выстрелы раздались одновременно с обеих сторон. Одни снаряды рвали и метали берег, другие броню катера. Вокруг пахло паленым человеческим мясом и железом. Свист, вой, скрежет закладывали уши.

– Кульчев, лево руля. ЦПУ, самый полный вперед!

В это время на шкафуте правого борта шла рукопашная. Мичман Булавин – бывший морской пехотинец, был тяжело ранен. Боевое отделение из пяти человек перестало существовать. Один из диверсантов прорвался на ГКП. Извицкий среагировал мгновенно, выстрелы прозвучали в одно время. Оба были ранены.

Манов первым делом выбил из рук нападавшего пистолет, затем перевязал командиру плечо. Пуля прошла навывлет.

– Эдик, допроси, если он в сознании. А нет, – за борт его. Как там обстановка?

– Неважная, – Кульчев держался за голову, из-под пальцев сочилась кровь. – Но, кажется, есть серьезные повреждения.

В это время на мостике разорвался снаряд. Катер сильно тряхнуло.

– Пост 4, пост 4, – Извицкий с надеждой взглянул на Манова, тот только покачал головой.

– Товарищ командир, – на ГКП поднялся старшина 1 статьи Шаванов, правая рука была перебинтована, левой не хватало по локоть. – Товарищ командир, насколько я помню, мы попали в какой-то туман и оказались здесь. Так может, вернемся в него и выйдем назад? Ведь в фантастике так.

– Если мы в прошлом или в параллельном мире, то мы должны выйти обратно. Ну, что, рискнем подставить противнику борт?

Извицкий вдруг повеселел:

– Внимание, делаем оборот на 180 градусов, идем по течению вниз, к туману.

Маневр удался. Теперь на выстрелы врага отвечала лишь реактивная установка на корме катера. Это было чудо: выйти из-под плотного танкового и артиллерийского огня без пробоин. Похоже, удача сопутствовала морякам.

– ЦПУ, как с горячим?

– Хватит часа на четыре.

– Цвейба? А где Бульченко?

– Все погибли, я один. Я справлюсь, командир.

– Булавин! Мичману Булавиному прибыть на ГКП, – Извицкий как-то неожиданно для себя растерялся.

– Булавин убит. Докладывает глав старшина Жуков. Реактивная установка, пушка и один пулемет еще в строю. Личного состава осталось пять человек.

– Радиорубка.

– Есть радиорубка! – голос радиста был странным, необычным. – Нас осталось двое. Связи нет. Уничтожаем секретную аппаратуру. Перекосило переборку, так что выйти не можем. Требуется помощь. Пробоину заделали, но где-то протекает еще. Попробуем найти.

– Манов, возьми кого-нибудь, попытайтесь помочь вскрыть переборку и устранить течь. Жуков, отошли одного на мостик, на сигнальную вахту, желательно глазастого.

Катер натужено гудел, но благодаря сильному течению реки быстро шел к низовью.

Спустя час или два на ГКП раздался голос сигнальщика:

– Вижу туман!

Извицкий вздрогнул и медленно опустился в кресло. Взгляд скользнул по телу замполита, затем по обгоревшим и изрытым берегам своего и в тоже время чужого Амура.

– Командир! Впереди заслон из танков!

– Спокойно, мостик. Сколько их?

– Шесть стоят в ряд, по отмели, перед самым туманом.

– Боевая тревога! Орудия к бою! Цвейба, самый полный вперед! Манов, возьми себя в руки, радисты погибли, как герои. К сожалению, мы ничего для них не смогли сделать. Сигнальщик, на свой боевой пост бегом! Внимание! Тоо-всь! Огонь!

И снова разрезала не долговечную тишину артиллерийская канонада. И потрепанный, исковерканный взрывами катер, устремился в сиренево – желтый туман. Еще бы метра три, но прямое попадание снаряда в носовую часть под ватерлинию, затем еще один и еще заставили его со всей скорости воткнуться в воду.

Раздался оглушительной силы взрыв...

На поиски желтого тумана

На территории отдельной бригады артиллерийских катеров царили тишина и спокойствие. Впервые за это лето термометр показывал в тени плюс тридцать два градуса. И даже намек на ветерок не ожидалось. Часовые старались укрыться от назойливого солнца под различными навесами и зданиями, дающими хоть какую-нибудь тень. И жизнь, казалось, здесь замерла. Боевые корабли и катера выглядели перегревшимися на солнце. Некоторое уныние и сонливость висели в раскаленном воздухе.

В штабе бригады все выглядело несколько иначе. Надутый комбриг озабоченно бродил перед всем офицерским составом части и, время от времени, вытирал огромным носовым платком шею и лицо. Начальник штаба, Никанор Палочкин, угрюмо ковырял пальцем подоконник, на котором сидел. Озабоченность начальства передалась и всем офицерам. Они с тревогой поглядывали друг на друга, на комбрига, начальника штаба. Разговоры стихли как-то сами собой.

Наконец, комбриг остановился, сурово обвел взглядом присутствующих.

– Все собрались? – его голос слегка дрогнул, но он тут же прокашлялся. – Товарищи офицеры, у нас ЧП. Один из катеров боевой службы, а именно 141, со всей командой, десанниками и штабом дивизиона, исчез.

Комбриг сделал паузу.

– Исчез бесследно. С ним еще и четыре лодки с пятнадцатью мирными китайскими жителями. Все произошло внезапно. Я говорю со слов командира 092, все произошло на его глазах. Катера подходили к китайской деревушке, когда передний из них вдруг исчез в возникшем ниоткуда желтом тумане. Старший лейтенант Рыбаков застопорил ход и заставил радистов вызывать 141, но тот так и не ответил. Через минуту, этого самого тумана, не было уже и в помине. Но вместе с ним не было и катера. Вот такие дела.

Комбриг устало плюхнулся на стул. Потом, будто опомнившись, поднял голову и кивнул капитану 3 ранга, сидевшему в первом ряду.

– Александр Семеныч.

Тот медленно вышел на середину, так же, не торопясь, повернулся к офицерам.

– Дело серьезно, товарищи. Многие из вас еще помнят случай в 1990 году, – он надел очки и раскрыл красную папку. – Для тех, кто не знает об этом случае, я прочитаю. «19 июля 1990 года, в районе селения Параллель на реке Амур, во время несения боевой службы, исчез большой артиллерийский катер со всем экипажем. Спустя месяц местными жителями был обнаружен командир катера старший лейтенант Извицкий с проникающими осколочными ранениями грудной клетки и головы. Во внутреннем кармане кителя обнаружены документы на имя старшего мичмана Гордиенко, старшего матроса Кошкина, матросов Ишматова и Мухмадова. Водолазные работы в данном районе результатов не дали, катер найден не был. Извицкий из комы не выходил. Все происшедшее остается загадкой». Но это не все. Вот еще запись. «9 июля 1970 года быстроходный катер из состава погранвойск, под командованием капитан-лейтенанта Буратинова, во время несения боевой службы, бесследно исчез. По рассказам троих, оставшихся в живых членов экипажа, они вошли в желтый туман и оказались в 1945 году, где подверглись сильнейшей бомбардировке. Как они вернулись обратно, объяснить не смогли». Вот надводная часть айсберга, что внизу, мы, увы, не знаем. Сейчас к этой проблеме привлечены различные специалисты и ясновидящие. Пока успехов нет. Надеюсь, что пока. Кстати, замполит Буратинов, сын капитан-лейтенанта. Вот только в отличие от отца, он не вернулся. Товарищи, мне приказано высшим начальством проинструктировать вашу часть и привлечь к поискам. С текущей минуты всем, без исключения, запрещаются контакты вне территории бригады, увольнения и отпуска, до окончания следственного эксперимента.

К тому же китайская сторона выделила двух ведущих военных специалистов по параллельным мирам. Они скоро придут в распоряжение бригады. Что требуется от вас всех? Терпение, смекалка, постоянная связь друг с другом и с оперативным дежурным. Проинструктируйте личный состав кораблей и катеров. Будьте готовы каждую минуту к любым неожиданностям. Всем офицерам и мичманам не расставаться с оружием. Все, что считаете подозрительным, необычным, непонятным, срочно докладывайте оперативному. У меня все, Игнат Фомич.

Комбриг грузно встал.

– Получается, что это уже третий случай исчезновения кораблей. Бригаде боевая готовность №2, – громовым голосом произнес он, глядя стеклянными глазами куда-то вдаль. – Орлов, останься.

Молодой, подтянутый старший лейтенант подошел к комбригу.

– Присаживайся, – проговорил Сальков, когда все, кроме начштаба и капитана 3 ранга, разошлись.

– Володя, – Игнат Фомич смутился. – Я понимаю, что ты недавно женился. Молодая жена и...

– Это имеет отношение к службе?

– В данном случае, да. В общем, так. Для исследований мы остановились на твоём катере, понимаешь? Большая нагрузка ляжет на твои плечи и плечи твоих ребят. Сегодня это дело добровольное, как ни странно это звучит.

– Я готов.

– Спасибо, – комбриг с чувством пожал ему руку и вышел из зала.

– Что с ним? – капитан 3 ранга спросил у начштаба.

– На пропавшем катере, его сын. Лейтенант Сальков.

Орлов, стоя на носу катера, встречал делегацию. Капитан 3 ранга Щекочихин поздоровался со старшим лейтенантом и встал рядом.

– Сейчас я вас познакомлю со всеми членами нашей экспедиции.

– Народу не много?

– Итак, Владимир Аркадьич, отсеивали. Это полковник Фэй Чжунь и его помощник капитан Ли Минь.

– Очень приятно. Боцман, проводи гостей в каюту.

– А это наши уши и глаза, старшина 1 статьи Авдеева Ирина Анатольевна. Она будет работать с аппаратом, который установят на ваш катер. Профессор, Николай Александрович, ведущий специалист в области потусторонних миров, сенсорике и тому подобное. Его коллега, тоже профессор, Ильин Андрей Андреевич. И, в конце концов, специалисты по различным туманам, ну, по явлениям природы, обладающие даром ясновидения и предсказания, Сергеев Антон Львович и Машута Юлия Владимировна. Вот, прошу любить и жаловать.

– Располагайтесь, товарищи. Вахтенный, проводить женщин в отдельную каюту. Сералиев, остальных в каюту второго кубрика. Вам, Александр Семеныч, могу предложить свою каюту.

– Знаете, а ведь я соглашусь. Только командир корабля должен иметь отдельное помещение. Получается, что я вас выгоняю и...

– Не беспокойтесь. У меня там две полки: нижняя и верхняя. Так что поместимся.

– Хитрый вы, человек, – засмеялся Щекочихин. – Это мне нравится. Сам такой.

Через час привезли ту самую аппаратуру, без которой не было смысла проводить экспедицию. В течение четырех часов устанавливали различные тарелки – ловители, антенны, полуметровые пластмассовые стаканы, какие-то зеркала разных размеров, два небольших экрана странной конструкции. После всех приготовлений, Орлов посмотрел на катер с пирса.

– Все фантасты мира позавидовали бы. Корабль будущего.

– Товарищ старший лейтенант, – позвал Орлова постовой с пирса. – Вас комбриг к телефону.

Он подбежал и схватил трубку.

– Старший...

– Слушай, Володя. Через двадцать минут, то есть в 19.30 местного, тебе выходить. Таков приказ свыше. На выходе из затона вас ждут катера сопровождения, наш и китайский. Сейчас как тебе должен подъехать секретчик с их позывными. Не забудь выходить на связь. Удачи.

Темнело быстро. Катер медленно выходил из затона, сопровождаемый унылым взглядом бледно-желтой луны, рисующей дорожку по амурским волнам.

– Александр Семеныч, каковы шансы найти этот самый туман?

– Какие тут могут быть шансы? Тут все дело в удаче. Вот вы, Владимир Аркадьич, удачливый человек?

– Вроде как.

– И я вроде как. Может именно это и принесет нам удачу.

Два катера, стоявшие на рейде, один за другим выстроились в кильватер большого артиллерийского катера №888.

– Владимир Аркадьич, а какая у вас любимая цифра?

– Восемь.

– Я так и знал.

– Почему?

– Потому, что моя тоже восемь.

Они засмеялись.

– Номер вашего катера 888. Совпадение или...

– Совпадение. Тогда и сам удивился этому.

– Можно? – симпатичная девушка с карими, улыбающимися глазами, смотрела прямо на Орлова, который вдруг застыл, словно статуя. – Так можно или нет?

Капитан 3 ранга только улыбнулся, заметив смятение старшего лейтенанта.

– Можно, можно. Командир разрешает. Разрешаете, Владимир Аркадьич? – он слегка толкнул его в плечо.

– Да, конечно, проходите.

Она улыбнулась и грациозно поднялась по трапу на ГКП. Орлов отметил про себя ее открытый взгляд, плотно сидящий на стройной талии черный брючный костюм, пронизательные глаза, чуть припухлый ротик и возраст. Ей было около двадцати пяти, не больше.

– Мне только двадцать два.

– Что? – не понял Орлов.

– Я говорю, вы ошиблись. Мне всего двадцать два года.

– Вы... – удивленный и растерянный старший лейтенант покраснел.

– Я иногда улавливаю чужие мысли, особенно, если они касаются меня.

– Юлия Владимировна, вы совсем вогнали командира в краску и еще перед его подчиненными.

– Извините. Это в первый и последний раз.

– Я вас, конечно, извиняю. Но прошу, пожалуйста, покиньте ГКП. Это просьба.

– Хорошо. Владимир Аркадьич.

– Можно, просто, Володя.

– Хорошо, Володя, – в конце трапа она обернулась, и смеющиеся глаза скользнули по лицу Орлова. – Меня можно просто, Юлия.

Она ушла, а старший лейтенант, словно горел изнутри. Ему было жарко, сердце бешено колотилось.

– Боцман, вызови помощника. Пусть подежурит. Я немного отдохну.

Орлов запрыгнул на верхнюю полку, закрыл глаза, но уснуть не смог. Каждый раз, когда он их закрывал, появлялась Юля и говорила: мне всего двадцать два, и сжигала своими прекрасными очами его сердце. Он попытался представить жену, но вместо нее рисовался образ Юли. Сна не было. В голове перемешалось. Все последние события отошли на второй план, кроме этой самой Юли. О чем бы он ни подумал, везде и повсюду появлялась она. В конце концов, Орлов вышел на верхнюю палубу, хотя это во время движения запрещалось, и сел, прислонившись спиной к холодной броне.

Над головой медленно плыли звезды. Луна печально бродила по легким речным волнам. В разгоряченном мозгу носились шальные мысли, сердце немножко ныло.

– Так я и думал, что вы здесь, – выглянул из-за открытой переборки Щекочихин. – Пойдемте, а то простудитесь.

Орлов в каюту не пошел, а пригласил капитана в кают-компанию.

– Дежурный, кипятку и сахар.

– Тяжело?

– Не могу в себя прийти. Все горит, кружится. Не пойму, что случилось.

– А что тут понимать? Влюбился ты, Владимир Аркадьич.

– Нельзя мне. У меня жена. Только поженились.

– Сердцу не прикажешь. «Любовь нечаянно нагрянет...» – вдруг спел капитан и улыбнулся.

Дежурный по катеру принес сахар и кипяток.

– Все, иди, остальное сам сделаю, – Орлов налил стаканы. – Кофе, чай?

– Кофейку, покрепче.

Они посидели молча.

– У меня почти так же было. Молодой лейтенант, женился на однокласснице, и ушел в автономное плавание на семь месяцев. С нами были морские пехотинцы. Среди них и оказалась Вера, старший лейтенант Глушко. Представляешь, влюбился без памяти. Увижу ее, бросает в дрожь. Не знаю, что делать, подойти так просто не могу. Долго не решался. Думал, увлечение. Закончится плавание, и забуду даже, как ее звали. Но за месяц до окончания похода, она сама постучалась в мою каюту...

Щекочихин замолчал, сглотнул комок и откинулся назад. Затем расстегнул китель, глубоко вздохнул, закрыл глаза.

– Она любила меня, я ее. Господи, если можно было все вернуть назад!.. – чуть не крикнул он, но вовремя спохватился. – Потом целый месяц длился бурный роман. Представляешь, на боевом корабле, в автономном плавании, посреди океана! Это самые счастливые часы моей жизни! Такое, поверь, не забывается. При входе в порт, командир тихо шепнул:

– Не забыл, что дома тебя ждет жена?

Щекочихин опять замолчал.

– Понимаешь, я совершенно забыл о своей жене. И вот, словно обухом по голове, меня вернули в реальность. Я вдруг понял, что раздвоился. С одной стороны дом и жена, с другой – любимая женщина. В то время я выбрал первое. Сейчас бы, окажись снова там же, в той же ситуации, выбрал бы второе.

Щекочихин вдруг уставился на старшего лейтенанта.

– Аркадьич, – прошептал он. – У тебя спиртное есть?

– Откуда?

– Есть, есть. Спирт дают на приборы, я то знаю. Мне чуть-чуть. Для души надо. Иначе съедят воспоминания целиком. Как друга прошу, пожалуйста.

Утро встретило экспедицию хмуро. Мелкий дождик, то и дело барабанил по броне, пронизывающий ветерок пытался проскочить внутрь катера, но не мог, и ему оставалось только играть антеннами, флагами и фалами.

- Как дела, боцман? – спросил Орлов, поднимаясь на ГКП. – Где помощник?
- В кают-компании.
- А ты, что, не менялся?
- Менялся. Сейчас опять сменят.
- Понял. Все нормально?
- В норме.
- Это будет огромной удачей, если нам удастся найти этот самый пресловутый туман.
- Товарищ командир, – небольшого роста сигнальщик стоял у входа на ГКП. – А меня кто-нибудь сменит?
- А где Сералиев? Старшему матросу Сералиеву прибыть на ГКП, – Орлов выключил громкую связь и о чем-то задумался.
- Я, товарищ старший лейтенант, старший...
- Сералиев, заступай на сигнальную вахту. В обед тебя сменит Лапочкин.
- Есть, заступить на сигнальную вахту.
- Товарищ Орлов, Владимир Аркадьич, – старший лейтенант обернулся на голос. Профессор Лендт, теребя свою клиновидную бородку, поднялся на ГКП.
- У меня к вам парочка вопросов. Только не пугайтесь. Как часто, вы ощущаете необычное рядом с собой?
- Как-то не задумывался. Не обращал внимания.
- Хорошо. Вам часто кажется наяву, что вы здесь уже были?
- Довольно часто. Особенно последнее время.
- А не пытались узнать дальше, то есть попытаться развить это воспоминание и узнать, что будет потом? Как сказать? В процессе этого воспоминания, вы не восстанавливали последующие события? Как же подходчивей...
- Пытался, но там всегда все было в мрачных тонах и мне приходилось делать по-своему. Получается, что это было для меня как бы неким предупреждением.
- Вот! Вот! Возможно, что в вашем мозгу есть упоминание об этом желтом тумане. Просто вы сумели предотвратить его приход наяву, сделав все по-своему!
- Николай Александрович, вы смеетесь или как?
- Смеются в цирке, дорогой Владимир Аркадьевич. К тому же Юлия Владимировна то же уловила в вашем мозгу нечто этакое.
- При ее упоминании Орлова вновь бросило в дрожь. Он даже передернулся.
- Что с вами?
- Нет, нет, все хорошо.
- Так вот. Мы хотим проверить вас, ваши несбывшиеся наяву воспоминания.
- Звучит как-то странно.
- Это естественно. Аппарат совершенно для вас безопасен. Ну, это Юлия Владимировна проинструктирует. Так что, бояться нечего. Желательно около полудня начать. Как вы? Согласны?
- Неожиданно, честно говоря. Я подумаю. Посоветуюсь с капитаном 3 ранга, с начальством. В принципе, ради успеха нашей экспедиции, я согласен.
- Отлично. Ждем. Не забудьте про время. Авдеева к этому времени уже все подготовит.
- Профессор ушел. Орлову было как-то не по себе. Ему казалось, что какая-то его часть отделилась от тела, оболочка которого стала как бы не полной. Поднимая руку, он видел ее, но не ощущал. Двигая ногой, головой – то же самое. Только мысли лихорадочно стучали, бегали, носились, вырывали из памяти давно забытые эпизоды прошедшей жизни.
- Командир! – вдруг донеслось до него откуда-то издалека.
- Орлов обернулся. Помощник во все глаза смотрел прямо в лицо.

– Принимай командование, – пробормотал старший лейтенант и на ватных ногах спустился с ГКП в коридор надстройки.

Перед глазами слегка плыло. Немного кружилась голова, и вдруг, все разом прошло.

Орлов остановился, потрогал лоб, посмотрел на руки, на ноги, пытаясь найти объяснение случившемуся, прошел в кают-компанию.

– Семеныч! Ты-то мне и нужен, – радостным голосом произнес Орлов, увидев медика.

– Что случилось?

– Понимаешь, какая штука приключилась...

В это время в кают-компанию заглянула Машута.

– Володя, извини нас, пожалуйста. Мы настроились на тебя и случайно включили аппаратуру, – она замялась, улыбнулась виновато, чем совершенно обезоружила старшего лейтенанта.

– Прощаю, – выдавил он. – Но только, Юля, ради вас.

Она улыбнулась и ушла.

– Хочешь, скажу, что это за штука?

– Какая штука?

– Которая с тобой приключилась.

– Я уже знаю.

– Нет, не знаешь. Это любовь, Володя! Любовь! – он похлопал Орлова по плечу и вышел.

– Потрясающе! Стоило только расстаться с женой, как тут же влюбился в другую! Кто бы сказал раньше, не поверил! Ей-богу не поверил!

Около полудня, Орлов спустился в центр управления стрельбой реактивных снарядов, где разместился штаб исследователей.

– Можно? – постучался он.

– Заходите, Владимир Аркадьич, – Лендт указал на металлическое кресло. – Садитесь.

Кроме них, в боевом посту 3 находились профессор Ильин, старшина 1 статьи Авдеева и Машута, на которой взгляд старшего лейтенанта несколько задержался.

– У нас все готово. Юлия Владимировна, подготовьте.

– Володя, вам надо всего лишь расслабиться и думать о чем-нибудь приятном, что вызывает в вашей душе бурю эмоций. Иначе, подсознание останется закрытым и эксперимент не удастся.

– О чем же мне думать? Как вызвать бурю эмоций? Это просто невозможно.

Машута наклонилась к Орлову так, что ее волосы коснулись его щеки. Она тихо шепнула в ухо:

– Думайте обо мне.

От неожиданности Орлов замер, затем взглянул на Юлю, которая сделала вид, что поправляет прическу, а сама хитро подмигнула.

– Он готов, Николай Александрович. Можно начинать.

Все повторилось в точности, как первый раз, только его мысль цепко держалась за Юлю. Он думал о ней. Танцевал, целовался, снова танцевал. Затем читал стихи, и они опять танцевали...

– Володя! Очнись, Володя!

Орлов открыл глаза и улыбнулся.

– Ты!

Юля посмотрела ему в глаза, словно передала важную информацию. Он, как ни странно, ее понял.

– Сейчас, Николай Александрович и Андрей Андреевич, выведут на экран расшифрованную ленту вашего подсознания, – Машута поманила Орлова к экрану. – Посмотрим, что вы скрываете от всего мира в вашем глубоком подсознании.

– Верно, Юлия Владимировна, именно глубококом! – Лендт поднял голову. – Такое под-
сознание бывает редко у кого! По крайней мере, среди тех, кого мы исследовали. Вы, просто,
огромная находка для нас! Внимание, включаю экран. Ириша, добавь яркости. Так. Так. Так.
А вот это, в углу, увеличь! Лимонное! То бишь, желтое! Еще, Ириша, увеличь! Давай заглянем
сбоку. То же самое. Пройди вокруг. Уменьши само ядро. Вот так. Это овал. Это не туман! Как
считаете, Андрей Андреич?

– Это скорее светящийся вход в параллельный мир, в другое измерение, в прошлое,
в будущее. Да, куда угодно!

– Что скажете вы, Ириша?

– Согласна с Андреем Андреевичем.

– Очень хорошо. Проведем анализы полученного и часа через четыре сумеем сказать
точно, что это такое на самом деле!

Лендт выглядел счастливым.

– Если бы вы знали, какую неоценимую услугу оказали всем! Честное слово, я бы пред-
ставил вас к звезде Героя России. Это потрясающая информация.

Он до боли сжал руку Орлова и со всей силы потряс ее. Старшему лейтенанту с трудом
удалось отделаться от перевозбужденного профессора.

В тамбуре его догнала Юлия.

– Я знала, что когда-нибудь тебя встречу, – вдруг заговорила Машута и поцеловала стар-
шего лейтенанта в губы.

Орлов замешкался, растерялся от неожиданности. Он хотел поймать ее за руку, она
успела скрыться за переборкой боевого поста.

Легкость и невероятную энергию ощутил в себе старший лейтенант. У него, словно
выросли невидимые крылья. Как давно не посещало его это удивительное ощущение.

– Товарищ командир! Вас помощник на ГКП, срочно!

– Что случилось, Наимов? Локатор?

– Да. Там, за поворотом, что-то совершенно непонятное.

Они быстро вбежали на ГКП.

– Командир, я застопорил ход. Идем на самом малом. На локаторе черт-де что. В пол-
экрана какая-то ерунда.

Орлов вызвал БП-3.

– Николай Александрович, похоже, что туман прямо по курсу. Будьте готовы.

– Понятно.

– Наимов, не отходить от локатора. Всем боевая тревога! Помощник, играй тревогу!

Орлов пролетел по трапу и вбежал в свою каюту.

– Александр Семеныч, кажется, нашли то, что мы ищем.

– Далеко?

– Уже нет. Прямо за поворотом, в излучине.

Старший лейтенант достал из сейфа пистолет и две обоймы.

– Химкомплект возьмите, Александр Семеныч, – уже вдогонку крикнул он, но тот не рас-
слышал.

– ГКП, это командир.

– Помощник слушает.

– Дима, всем получить боевое оружие и минимум по два рожка в запас. Боевому отделе-
нию еще и штык-ножи, гранаты. Пусть мичман Черняков поторопится. Пока все.

– Сделаю, командир.

Мысли лихорадочно заработали.

– БП-3, Николай Александрович.

– Слушаю.

– Вы моим дайте подготовить пост к бою. Всех, кто не задействован в исследованиях, уберите, пожалуйста, отсюда. Добро?

– Куда им идти?

– Пусть поднимаются в мою каюту.

Через минуту лишние на БП-3 стояли в коридоре надстройки у каюты командира.

– Полковник, капитан, прошу на ГКП. Вы, Юлия и Сергеев, останьтесь пока здесь. Связь в углу, над столом. Если что, вызывайте ГКП.

Он скользнул взглядом по лицу Машуты и вбежал в ходовую рубку.

– Выходим к туману, командир.

– Боцман, смени Надейна у штурвала. Помощник, настрой устройство слежения. Полковник...

– Просто, Фэй. Его – Ли.

– Тогда меня, Володя, так проще. Вот бинокль, следите за поворотом. А вы, Ли, осмотрите левый берег, я пробегусь по правому.

Жуткое напряжение воцарилось на главном командном пункте. Будто весь белый свет находился сейчас в подвешенном состоянии и одно неосторожное движение может все погубить.

Профессор Лендт, давно ждавший минуты встречи с желтым туманом, был немного огорчен, так как не успел провести анализы выявленного объекта.

– Андрей Андреевич, займитесь анализами полученных данных. Все, что выясните, найдете, сразу мне. Ириша, давай максимум на объект, включи улавливающие экраны, антенны и сенсоры. Включай весь комплекс и второй экран. Заодно подготовь резервный.

– Саньч! – Ильин даже подпрыгнул. – Это вход в другой мир!

Лендт покрылся испариной.

– Свершилось, Андрей Андреевич. Я знал, я знал, что найду. ... А теперь... Ириша, вызови ГКП.

– Желтый туман, это вход в другой мир! Будьте осторожны.

– Вас понял.

Орлов обвел взглядом всех присутствующих.

– Это вход в другой мир. Вот почему никто не может найти пропавших людей и катера. Все встает на свои места.

– Командир! До тумана около ста метров!

– Понял, боцман.

– Его можно обойти справа. Он не на весь Амур, – проговорил полковник Фэй.

– Вряд ли там достаточная глубина. Карту, помощник! Хотя, пройти можно. Стоп, машина! ЦПУ-ГКП!

– Есть, ЦПУ.

– Малый назад. Подрабатывать против течения, якорь бросать не будем. Боцман, будь на связи с машиной и следи за расстоянием между туманом и нами.

– Владимир Аркадьич, что собираетесь делать? Ждать, смысла нет. Надо идти туда, а то туман исчезнет, – вдруг заговорил, молчавший до сих пор капитан 3 ранга.

– Пусть лучше он исчезнет, чем мы, – бросил на ходу Орлов и прыгнул по трапу в коридор надстройки. – Помощник, ко мне!

Лейтенант Селиванов тут же отправился за командиром.

– Дима, готовь с Гамиевым лебедку. Шлюпкой займется мичман Останюк. С пятью ребятами спустим тебя в туман, возьми фотоаппарат и приборы, которые дадут ученые. Если что, дергай за трос, лебедка сразу начнет работать в обратную сторону.

Шлюпка с помощником и пятью матросами была готова. Орлов медлил.

– Боишься? – спросил Щекочихин.

– Еще как!

– Что специалисты?

– Установили на шлюпке приборы слежения, записи и еще чего-то. Наимов, Сергеева и Машуту сюда! Мигом!

– Володя, – полковник хитро посмотрел на Орлова. – Можно капитану Ли заменить одного из ваших матросов на шлюпке. У него все-таки хорошие данные по экстрасенсорике.

Последнее слово Фэй выговорил с трудом.

– Хорошо. Старший матрос Сералиев, покинуть шлюпку. Удачи, капитан.

Ли Минь только кивнул головой и бегом проследовал на бак, к шлюпке.

– Радиорубка, ГКП. Срочно оперативному по засекречивающей связи. «Туман нашли. Предполагаем вход в другой мир. Застопорили ход. Решили на лебедке спустить в туман шлюпку с двумя офицерами и четырьмя матросами. Командир 888, старший лейтенант Орлов». Записали?

– Так точно, товарищ командир.

– Действуйте. БП-3, Николай Александрович. Жду вашего разрешения.

– Владимир Аркадьич, мы еще вычисления не закончили, но, полагаю, что можно попробовать.

– БАК-ГКП.

– Глав старшина Шваб слушает.

– Миша, концы отдать. Лебедка хорошо слушается?

– Все проверено, все в норме.

– Тогда, с богом.

Лодка медленно спускалась к желто-лимонному овалу, и сердце старшего лейтенанта готово было выскочить из груди.

– Командир! – Сергеев вдруг схватился за голову. – Меня блокируют. Я ничего не вижу! Тут же вскрикнула Машута, потирая виски, и полковник Фэй затряс головой.

Все произошло настолько быстро, что никто ничего не понял. Полковник вжался в переборку и безумными глазами бегал по ГКП. Юлия лишилась чувств, а у Сергеева сильно дергало голову и руки. Глаза остекленели. Из носа и ушей шла кровь.

– Медика! Наимов! Бегом! – закричал Орлов и приподнял голову сидевшей на стуле Юле.

Дыхание было неровным. Лоб покрылся испариной. Не долго думая, он схватил ее и в одно мгновение перенес в свою каюту. Положил на постель и расстегнул все, что могло стеснять дыхание.

– Товарищ командир! БП-3! Срочно! – Наимов с жутким взглядом стоял в дверях.

Орлов разом оказался на ГКП.

– Володя, срочно возвращай шлюпку! Они погибнут!

– Бак-ГКП! – старший лейтенант бросил внутреннюю связь и закричал по внешней. – Шлюпку назад! Шваб, переключай лебедку!

Лендт уже стоял рядом.

– Надо назад!

Орлов оглянулся и не узнал профессора. Перекошенное лицо, вздыбленные волосы, бешеный взгляд.

– Нам надо уходить! – заговорщицки, брызгаясь слюной, выдавил он. – Нас затянет! Туда!

Лендт с ужасом покосился на туман.

– ЦПУ! Радиорубка! Катерам сопровождения и нам полный назад! Бак! Шваб! Быстрее! Лебедку на полную!

– Итак, самая полная!

– Руками тащите! Туман приближается!

Капитан 3 ранга, до этого смотревший огромными глазами на происходящее, рванул, что есть силы, на бак, на помощь шлюпке. За ним, было, последовал и Наимов, но Орлов поймал его за рукав и вернул к локатору.

– Лендт, очнитесь! – потряс он профессора, которого трясло. – Медик! Семеныч! Разберись! Что с этими тремя?

– Почти порядок. Жить будут. Впечатление сильного энергетического удара из-за крайней чувствительности мозга. Но это...

– Понятно. Уведи профессора. Ильин! Что у вас?

– Мы в сильном магнитном и энергетическом поле, которое создает завихрения и сильный ветер в сторону тумана. Вряд ли удастся вырваться из таких щупалец. Желтизна вокруг овала – это энергия и если человек туда попадет, он исчезнет. Но броня может спасти, защитить организм. Командир, надо спасать людей.

– Шваб! Чего возитесь?! Бросайте шлюпку! Всем внутрь! Задраить люки и переборки! Боевая тревога!

Звук сирены задрезжал по всем отсекам.

– Радиорубка! Катерам сопровождения немедленно уходить из района. Далее, оперативно. «Затягивает в туман, возможно, вырваться не удастся. Орлов».

– Туман близко! Скоро накроет!

– Вижу, боцман. Ребята успели?

– На баке не видно, значит успели.

– Оборот выполнить не сможем при всем желании, не хватает времени. Задним ходом тоже не вытянем. Боцман, остается последнее, полный вперед в обход тумана справа. Проскочим, как ты думаешь?

– Стоит попробовать, – раздался голос Щекочихина. – Это шанс.

Орлов обратил внимание на перебинтованные руки капитана.

– О трос поранился, – ответил тот на немой вопрос.

– Помощника не видели?

– Обгорел немного, но цел. Там такой жар стоял, что упаси бог. Ли Минь в тяжелом состоянии и один из матросов. Спасательный жилет сильно оплавился.

– Остальные?

– Легкие ожоги, порезы, царапины.

– Радиорубка! Оперативному!

– Оперативный дежурный не отвечает. Катера сопровождения тоже. Связи нет вообще!

– Сигнальщик!

– Не успеет, – проговорил боцман. – Только по внешней. Может, услышат?

– Катерам сопровождения немедленно покинуть район! Катерам сопровождения немедленно покинуть данный район!

– ГКП-БП-6, они уходят.

– Понял, шестой. ЦПУ! Быть готовым среверсировать ход и на самый полный!

– Есть, командир, сделаем.

– Авось, пронесет! А, боцман? Держи штурвал крепче. Стоп, машина! Самый полный вперед! Право руля!

– Есть право руля!

– Затягивает! Все равно затягивает! – закричал Щекочихин. – Мощи не хватает.

– Внимание, всем! Входим в туман! Люки и переборки не открывать! Всем оставаться на своих местах! Без приказа боевой пост не покидать! Аварийной партии быть готовой к любым неожиданностям!

Катер на большой скорости нырнул в желтое облако тумана и, жутко дрожа, побежал по невидимой глазу водной дорожке...

Тайна желтого тумана

В кабинете комбрига висело плотное синевато-серое облако сигаретного дыма. Открытые настежь окна не помогали. Сдвинутые в середину кабинета столы, были укрыты разложенными на них картами и схемами. Офицеры штаба о чем-то спорили, совещались, доказывали что-то друг другу. Комбриг мрачно рисовал красным карандашом на карте.

– Сальков, – вдруг раздался твердый, приятный, но немного усталый голос.

– Товарищи офицеры.

– Вольно, вольно. Здорово, Игнат Фомич, – адмирал прошел к комбригу и пожал ему руку. – Ну и загадали вы тут загадку. Москва на ушах стоит.

– Товарищ адмирал...

– К черту формальности. Дай-ка мне лучше расклад. Что делаете, что планируете, какие соображения. Москва, кстати, уже отчет требует. Каша заварилась такая, что не дай бог! И откуда эти иностранные журналюги все знают? Ну, показывай, Игнат Фомич, чем обрадуешь?

– Сильно-то нечем обрадовать, но некоторые интересные данные у нас имеются.

– Так. Во-первых, давай по имени. Во-вторых, я привез специалистов и, думаю, что нет смысла отвлекать от службы весь твой штаб. Согласен?

– Согласен. Капитан-лейтенант Суворов, доложите свои соображения.

– Есть, товарищ капитан 1 ранга, – Суворов достал чистый лист и карандаш и начал набрасывать схему. – Первое, места исчезновения. Желтый туман появляется не в одном месте, а словно спускается вниз по течению. Вот смотрите по карте. Самое первое исчезновение произошло здесь, в излучине. Второе и последующие, также в излучинах, но каждый раз ровно на 10 километров ниже предыдущего. Далее, второе. Обратите внимание на даты исчезновения: 9 июля 1970, 19 июля 1990 года и 29 июля 2000 года. Между числами 9, 19 и 29 – ровно десять дней. Потом, номера катеров. У Буратинова – 121, у Извицкого – 131, у Савельева – 141. Это еще не все. Я поднял некоторые материалы, личные дела офицеров и матросов. И тут есть закономерность. Буратинов, Извицкий и Савельев родились в разные годы, но число и месяц рождения у них один и тот же – 10 октября, то есть 10.10. Каждый из них был женат. Буратинов ровно 10 лет, Извицкий ровно 10 месяцев, Савельев ровно 10 недель. Но и это не все. Посмотрите на годы: 1970, 1990, 2000. В первом случае 20 лет, но во втором – 10. Опять – 10.

– Двадцать лет, уже не десять, – перебил адмирал. – Стройность пропадает.

– Сначала я подумал также, но вот что нашел в архиве за 1980 год.

Суворов с победным видом достал из папки желтые листы с рукописным текстом.

– Это отчет бывшего командира катера №131 капитан-лейтенанта Таранова. Я прочту выдержку. «...19 июля 1980 года в излучине реки Амур, прямо по курсу, возник желтый туман, похожий на химическое облако. Попытка обойти его не удалась, нас начало затягивать в него. Попытались сделать оборот, но не рассчитали расстояние до скальных подводных пород. Вследствие чего, получили пробоину под ватерлинией с правого борта и затонули на мелководье. Потерь среди личного состава нет. Всю вину за происшедшее беру на себя. Подпись: капитан-лейтенант Таранов.

– Молодец Суворов. Уже что-то. Сальков, ты распорядись насчет моих специалистов по этим делам. Место для работы, для отдыха, а то толкуются в коридоре. Пусть приступают к работе.

– Суворов, а что означает цифра – 10? Если она так упорно везде повторяется, то она должна что-то означать.

– Пока не знаю, товарищ адмирал.

– Игнат Фомич! – в кабинет резко ворвался капитан 3 ранга Стержнев. – Сообщение с 029.

Сальков выхватил бумагу и помрачнел. Молча протянул ее адмиралу.

– Три восьмерки исчезли в тумане.

Воцарилась гробовая тишина.

– Это на нем был профессор Лендт?

– Так точно, Валерий Дмитрич, на нем. Ракетно-артиллерийский катер с бортовым номером 888, командир старший лейтенант Орлов.

– Суворов, – адмирал задумчиво взглянул на капитан-лейтенанта. – Что скажешь? Сыпется твоя теория.

– Никак нет.

– Как нет? Объясни.

– 888 катер некоторое время назад имел бортовой номер 151. А 141 проходил под номером 010.

– Ничего себе расклад.

– К тому же женился Орлов десять дней назад, – добавил Сальков.

– Так. Что же тогда означает это странное магическое число, строго кем-то выдерживаемое? Вот ведь загадка.

Лицо адмирала стало серо-желтым. Морщины сделались глубже, а скулы выступили еще сильнее.

– Игнат Фомич, надо связь с Москвой.

– Пройдем к связистам. Оттуда будет попроще, а люди пусть работают пока здесь.

– Суворов, пойдешь с нами, как специалист по десятичным раскладам, – то ли пошутил, то ли всерьез сказал адмирал и тяжело направился к выходу.

Один из учебных классов для связистов был переоборудован под работу специалистов. Капитан-лейтенант Суворов, приказом адмирала, тоже вошел в эту группу. Специалистов оказалось шесть, капитан-лейтенант стал седьмым. Работали, что называется на полную катушку. Куча информации, гипотез, догадок и предположений. Неожиданная утечка информации имела широкий резонанс. Желтый туман взбудоражил всю общественность. Хакеры сумели вытащить информацию на свет. Хоть многое и оставалось по-прежнему секретным, но бомба взорвалась. Газеты и журналы пещрили догадками и домыслами. Официальная пресс-служба флота ничего не опровергала, но ничего и не подтверждала.

Москва нервничала. Частые звонки отвлекали от работы, не давали сосредоточиться. Адмирал уже давно разговаривал на повышенных тонах. Словно растревоженный муравейник, который столько лет казался мертвым, вдруг ожил, зашевелился, все пришло в движение. Всем нужен был результат.

– Суворов, скажи, день рождения Орлова – 10 октября?

– Так точно, товарищ адмирал.

– Какие-нибудь соображения есть?

– Ничего конкретного.

– Плохо. Ну, а что по цифре десять?

– Странная цифра. Числа от 1 до 10, по теории пифагорейцев, являются главными и символизируют «все вещи», весь созданный мир. Первые четыре целых числа, определяющих музыкальные интервалы, составляют в сумме 10 ($1+2+3+4=10$), так как считается, что первые 4 цифры основные и лежат в основе организации Вселенной. 9 – число совершенства, 11 толкуется как Бог, прибавленный к миру 10. Получается, что 10 – число между совершенством и Богом, число повторения, цикличности, круга.

– Порочного круга... – промычал адмирал.

– Точно, – Суворов даже подпрыгнул. – Как я сам не додумался!

– Если это порочный круг, то нам необходимо разорвать его. Другой вопрос как?
– товарищ адмирал, – один из специалистов показал на монитор компьютера. – Нам нужны люди, которые уже побывали там, в тумане или за туманом.
– Из них жив только Извицкий, но он находится в психушке, недалеко от Хабаровска.
– Спасибо Игнат Фомич за информацию. Ты можешь вытащить его оттуда?
– Могу. Уже отправил людей. Через пару часов, я думаю, они уже будут здесь.
Адмирал закурил и подошел к окну. После нескольких минут молчания, он произнес:
– И все же нарушение «десяти» есть. Суворов, сколько времени прошло с момента исчезновения 141 и 888? Получается, что с четвертым катером произошел сбой. Если похищение не запланировано, если этим, конечно, кто-то управляет, то сбой серьезный.
– Товарищ адмирал, а вы правы, «десятки» тут и в помине нет.
– Но что нам это дает?
– Пока не знаю, Игнат Фомич, но сердцем чую, зацепка!
– Товарищ адмирал, – Суворов как-то неуверенно обратился к старшему по званию. – Я думаю, что нельзя столь категорично связывать число 10 с именно порочным кругом. Ведь круг – идеал, единство, законченность.
– Ну и дотошный ты, Суворов, – адмирал махнул рукой. – Работай, я надеюсь на тебя. Раскручивай. Игнат Фомич, у связистов ничего нового?
Сальков лишь помотал головой.
Орлов ощущал боль в районе грудной клетки. Попытка открыть глаза, но никак не мог этого сделать. Они словно слиплись. Вдруг чья-то рука коснулась его шеи и откуда-то сверху полилась вода. Орлов подтянул непослушную руку и вытер лицо. В открывшиеся глаза ударил яркий солнечный свет. Он зажмурился на время, открыл опять и остолбенел. За открытой дверцей переборки виднелся изрытый, черный берег реки, словно совершенно недавно ее перепахали трактора.
– Товарищ командир, у вас рассечена бровь, – услышал Орлов голос Наимова и посмотрел на свою ладонь, увидел кровь.
– Где помощник и капитан 3 ранга? – произнес Орлов и сам удивился своему надорванному голосу. – Вызови на ГКП.
Самостоятельно встал и медленно вышел на верхнюю палубу. Катер стоял на якоре. Все вроде как было как всегда, но резкий контраст берега с тем, что был до желтого тумана, вызывал тревогу и озабоченность.
– Володя, – услышал он голос Юли. – Давай перевяжу.
Тонкие нежные пальчики аккуратно стали укладывать бинт.
– Дима, ты? – Орлов спиной почувствовал присутствие помощника за спиной. – Найди Чернякова. Надо вооружить экипаж. Что-то мне не нравится все это.
– Есть, командир.
Щекочихин присел рядом и закурил.
– Боцман, ты здесь?
– Здесь, командир.
– Сигнальщика на вахту. Боевые посты подготовить к бою. Мало ли. Наимов, что на лока-торе?
– Чисто.
– Какие будут мнения, товарищ капитан 3 ранга?
– Надо Лендта послушать...
– Вот и обо мне вспомнили. Благодарствую. А вам идет забинтованная голова, Владимир Аркадьич. Ну да ладно, к делу. Экстрасенсорные способности всех, кто ими обладал в нашем мире, здесь, увы, пропали. Наши датчики отмечают полную пустоту вокруг. Черную дыру, если хотите. К тому же, большая часть аппаратуры вышла из строя.

– Что вы этим хотите сказать? Вся наша подготовка, поход в туман, все это напрасно? – Щекочихин озабоченно подошел к леерам и сильно выругался.

– то и хочу сказать, что мы в другом мире, который наша аппаратура не может даже зафиксировать. Тут другие, отличные от наших, законы природы.

Орлов вдруг крепко сжал руку Юли, сильно напрягся.

– Меня никогда не подводило предчувствие.

Он встал, схватил бинокль.

– Желтый туман у нас за спиной, в излучине. Мы можем вернуться. Но, впереди, я чувствую это, кто-то ждет нашей помощи.

– Если мы пойдем на выручку, то обратно можем не вернуться.

– Согласен, товарищ капитан 3 ранга, но...

– Вы отвечаете не только за экипаж, гражданских людей, китайских союзников, но и за выполнение поставленной задачи.

– Спасибо, я знаю. Это война, товарищ капитан 3 ранга. А на войне воюют. И я буду последним гадом, если не даже не попытаюсь спасти 141.

– 141? Откуда вы знаете, что там 141?

– Не знаю, но чувствую. Они погибают. Еще немного и спасать будет некого.

Орлов выдержал долгий испытывающий взгляд Щекочихина и включил корабельную связь.

– Внимание, боевая тревога! Боевая тревога! Баковым на бак. По местам стоять, с якоря сниматься!

– Мне придется все отразить в рапорте.

– Это ваше право.

– ГКП, мостик к бою готов.

– ГКП, БЧ-4 к бою готов.

– БЧ-5., БП-1..., БП-2...

Катер медленно подошел к высокому утесу. Из-за него река круто поворачивала на север.

– Место здесь узкое, опасное. Не спеши, боцман, на середину, держись до последнего за утесом. Где-то рядом идет бой, а ни единого звука. БП-1, БП-2, БП-5, БП-4 – боевая готовность №1. Сигнальщик, что видишь? Сигнальщик? Мостик-ГКП! Радиорубка, связь с мостиком, быстро! Наимов, что на локаторе?

– Появилась точка, это катер. На правом берегу прямо по курсу, еще несколько сигналов. Похоже, идет бой.

– Полный вперед! БП-3 – расчет цели прямо по курсу на берегу. Огонь без команды. Стреляй, как только захватишь цель. Как понял?

– Захват цели, огонь без команды.

– Выполняй. БП-1,2,4 – цель на правом берегу прямо по курсу. Огонь на поражение сразу после захвата цели. Боцман, пора, огибай утес.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.